

**вопросы
русской
литературы**

ВЫПУСК 1 (23)

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ
НАУЧНЫЙ СБОРНИК

**ВОПРОСЫ
РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ВЫПУСК 1(23)

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ВИЩА ШКОЛА»
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ЛЬВОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
Л Ь В О В — 1974

Содержание

Пушкиноведение

К. Н. Григорьян. Об эволюции пушкинской элегии	3
Р. Н. Поддубная. Особенность поэтической структуры «Маленьких трагедий» А. С. Пушкина и романов Ф. М. Достоевского	14
В. А. Фабианская. А. С. Пушкин в кругу литературных и общественных интересов В. Г. Короленко	20

Литература XIX века

М. В. Теплинский. Авторский замысел поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»	27
В. М. Сидельников. Лирическая новелла Н. А. Некрасова «Огородник» и народная поэзия	32
Н. М. Нагорная. Н. А. Некрасов на страницах нелегальной прессы 70—80-х годов XIX века	35
Т. С. Сальникова. Проблема положительного героя в раннем творчестве Н. С. Лескова (на материале рассказа «Овцебык»)	42

Древняя литература

С. К. Росовецкий. «Повесть о Петре и Февронии» в литературном процессе XVII века	49
С. Д. Бабишин. Зарождение и развитие атеистических и еретических идей в древнерусской литературе	55

История критики и литературоведения

М. И. Шаблій. Журнальная полемика вокруг романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»	62
Г. И. Шумейкин. Проблема характера в эстетике формалистов послеоктябрьского десятилетия	70
А. В. Чичерин. Литературовед-писатель	77

Публикации

Е. Н. Кононко. Примечания на сочинения Державина (продолжение)	81
--	----

Рецензии и библиография

А. В. Чичерин. Пушкин	94
В. П. Малинковский. Лев Толстой как теоретик и критик искусства	98
В. А. Мосенцев. А. В. Луначарский и проблемы критики	101
О. П. Пресняков. Теория драмы в историческом развитии	105
В. М. Потявин. Фундаментальное исследование славянского фольклора	106
Н. В. Николаев. Библиография современных писательских мемуаров	109
И. А. Спивак. Из русской советской поэтической пушкинианы (1958—1973)	111

Хроника

Б. Л. Беляев. IV «Фадеевские чтения»	119
Б. И. Мельничук. Гражданский темперамент ученого (к 70-летию А. С. Пулинца)	120

●

Примечания на сочинения Державина
(продолжение)¹

22. **Изображение Фелицы.** Ода сия писана в 1789-м году в подражание Анакреоновой, которой он просил живописца изобразить портрет его любовницы, и под именем Фелицы относится она к императрице Екатерине II-й. В предъидущей оде Фелицы описаны сей государыни чувствования, нрав и характеры, а в сей не токмо личное ее изображение, но и главныя ее дела представлены в картинах. Для лучшаго понятия пиитических выражений и аллегорий, которыя со временем могут быть непонятны, нужным почитается каждой строфы вкратце изъяснить подлинныя мысли, а имянно в 3, 4 и 5-й строфах описан ее образ, взор, походка, улыбка, осанка, кроткой и приятной разговор. В 6-й возшествие ее на престол в воинском одеянии (мужественно на бодром коне)² и удивление зрящаго на нее народа. В 7-й поднесение ей короны, в 8-й пределы и пространство империи, которая состояла тогда из 42-х губерний, окруженных восьмью морями. В 9-й великолепие чертогов и престола, с которого дала она России наказ для сочинения законов. В 10-й собрание депутатов, чувствование их при сем случае. В 11-й колорит главных народов, из коих Россия состоит, а имянно: из рыжевласой чуди или финнов и из узкоглазых гуннов или мунгал, из коих первыя жили на морях разбоем, а вторыя, не зная хлебопашества, скитались по седым ковылистым степям. В 12-й легкость законов, чтоб те народы, быв собственным своим пользам послушны, составили сами себя благополучие, исполняя оныя. В 13-й свобода мыслить и народная гордость — позволение присылать депутатов, замечать ошибки в законах по учреждению. В 14-й дозволение общественных складов, выбор судей и решение дел собственно от себя выбранными судьями. В 15-й свобода литературы и разных систем. А как тогда некоторые секты мистиков подозревались с иностранными в неких сумазбродных замыслах, то и сказано о них тут шуткою. В 16-й разделение империи на губернии и округа подобно сферам небесным и построение каменных зданий в городах и созидание, так сказать, новаго миру. В 17-й благоденствие империи и деятельность народа, в 18-й благочестие императрицы, когда она в храмах слушала службу божию, в 19-й снизхождение благодати вышняго на все ее дела, в 20-й культура, скотоводство, хлебопашество и коммерция, в 21-й карусель и подвиг в сем ристалище ее героев, в 22-й величество ее на престоле и управление ее всем царством, в 23-й вдохновение ее сотрудникам своим пользы общей, в 24-й и 25-й — присутствие ее в Сенате и наставление вельможам, в 26-й признание их ее премудрости и кроткия ее наказания. В 27-й — учреждение Совестьнаго суда, в 28-й позволение всякому писать к ней чрез почту, что прежде воспрещалось или было с великим трудом. В 29-й — проничание ее невинности, которое над собой сам автор испытал (во время аудиенции, выпрошенной им самому себе)³, по отлучении его от тамбовскаго губернаторства и, получив оную, объяснялся с ней, которое объяснение было весьма любопытно, но оно пространно и сюда не принадлежит, а напишется в своем месте. В 30-й изображенне ее кабинета, в 31-й ее размышления в оном, облокотясь на статую Зороастра или Петра Великаго. В сем

¹ Вступительную статью и начало публикации см: «Вопросы русской литературы», 1973, вып. 2 (22).

² Зачеркнуто Державиным.

³ Вписано рукой Державина.

и в следующих 3-х куплетах ея молитва к всевышнему. Здесь надо заметить, что в 33-м куплете две последние строки при напечатании московская цензура не пропустила, потому что скиптр самодержавства назван железным, почитая то оскорблением величества, и относилась о том. Сие было во время императора Павла. Генерал-прокурору князю Куракину, с которым со своей стороны автор объяснился письменно, что сия пьеса была в том же году напечатана, в котором сочинена, и поднесена императрице, а как она не почла выражение сие оскорбительным, но напротив того приняла милостиво, то почему императору Павлу могло быть сие противно, когда скиптр его, разумеется, в первые дни его царствования, более был позлащён щедротами, нежели Екатерины? (напротив того, так мыслить было бы ему совершенное оскорбление)⁴. Поелику ж на сие генерал-прокурор никакого отзыву не сделал, то автор во многих экземплярах и приписал своей рукою те пропущенныя две строчки. В 35-й решение ея уголовных дел, в 36-й изливание щедрот, в 37-й устройство разных благодетельных заведений, как то: публичных больниц, богаделен, сиротских домов, школ и всего что относится к приказу общественного призрения. В 38-й посев семян просвещения, в 39-й поселение иностранных колоний, в 40-й постановление статуи Петра Великого, в 41-й обратная от оной звук ея славы. В 42-й посещение царей и поднесение ей от Сената во время Комиссии новаго уложения титулов премудрой, великой, матери отечества и неприятие оных. В 43-й блаженство и покой империи, в 44-й прививание оспы, в 45-й от того следствии благодарность родителей, в 46-й укрощение внутренняго бунта и чумы, в 47-й победы над шведами и турком, в 48-й мужество ея войск и признание онаго одним шведским генералом, взятым в плен адмиралом Грейгом, котораго точный отзыв здесь помещён в последних двух строках. В 49-й признание светом войск ея непобедимыми, в 50-й искание мира неприятельских держав и великодушное согласие ея на оное. В 51-й и 52-й щедроты ея во время торжествования мира, в 53-й домашния ея обращени с подданными в беседах, похвала ей от муз и упражнение ея самой в литературе, как то между прочим, что комедия ея, тогда сочиненная «Недоумение» принята с рукоплесканием. В 54-й изображение главных ея страстей, то есть щедроты, славы и любви. В 55-й светозарность ея царствования, котораго тщетно достигъ желали многия цари, в 56-й трудный путь к той высокой славе, где процветает добродетель, и обращение автора на самого себя, живущаго под ея защитой. В 57-й отношение к тому, что тщетны были стрелы клеветы и лжи его гонителей и что он, их не страшась, поет свою покровительницу. В 58-й оборот к Рафаилу⁵, что он представил ея изображение не на холсте, а на сердце авторском, подобном чистотой и твердостью алмазу.

23. **На новый год**⁶. Здесь Пленира разумеется первая жена автора. «От должности в часы свободы» — оговорка в опасении от начальника сделанная, дабы он не подумал, что небрежна о делах, автор занимается стихотворством.

24. **Решемыслу**. Решемыслом назывался ближний боярин и воевода Таоу, царя китайского, котораго супруга, т. е. царица езживала на оленях золоторогих и одевалась соболиным одеялом, о чем можно читать в сказке о царевиче Февее, напечатанной в Императорской академии наук в 1782 году, сочиненной императрицей. Автор взял ту сказку за основание сей оды. Будучи прошен княгинею Дашковой, чтоб похвалу князю Потёмкину, находившемуся при дворе в великой силе, но как он был ему тогда незнаком и не хотел показаться подлым ласкателем, то и написал оную в шутилом тоне под именем Решемысла, где хотя многия черты дел его и характера видны, но замечание сделано на общее достоинство вельмож, каковыми они быть должны. Впрочем похвала относится также к императрице.

25. **Памятник герою**. Ода сия сочинена по случаю поражения князем Николаем Васильевичем Репниным турецкого паши Юсуфа за Дунаем 1791 года июня 28 дня и постановления тогда же с Портою мирных прелеминарных пунктов, и как сия победа к удовольствию всех с малым кровопролитием воспричинствовала мир против честолюбивых видов князя Потёмкина, главнокомандующаго армией, бывшего тогда в Петербурге, и князь Репнин, претерпев от него много неудовольствий и даже пре-

⁴ Зачеркнуто Державиним.

⁵ Рафаэлю.

⁶ Пропуск в тексте.

зрений, поступал как истинному герою должно, то автор и написал в честь ему сие сочинение. Мистики, в которой был секте Репнии, весьма превозносили оное, перевели на разные языки и напечатали разными красками и шифрами. Но жаль, что при императоре Павле сей герой весьма переменился, был в одно время пред нижними горд, а пред любимцами подл до чрезвычайности. (Урок для любящих справедливость авторов, что надобно по смерти только воспевать похвалы)⁷. Кунетзей назывался китайской философ Конфуций. Кин — китайский инструмент.

26. **Ключ.** Написан в 1779 году в честь Михайла Матвеевича Хераскова, сочинителя эпической поэмы Россияды. Село Гребенево, находящееся под Москвою, было сего знаменитого поэта, где он и сочинял оную.

27. **На смерть к. Мещерского,** бывшего главным судьёю таможенной канцелярии, которой жил весьма роскошно, писано в⁸ ... году Степану Васильевичу, другу его, генерал-майору.

28. **Осень во время осады Очакова.** Писана в Тамбове 1788 года ноября ... дня⁹ княгине Варваре Васильевне Голицыной, жившей тогда в селе своём Зубриловке, которой муж находился в армии, осаждающей Очаков под командой дяди ея фельд-маршала князя Потёмкина. Она имела семерых тогда сынов и весьма страстно любила своего мужа. «Хотя вы в Стикс не погружались, но вы бессмертны по делам» — относится к тому, что Ахиллес матерью своею погружен был в реку оную, дабы был бессмертен и проч.

29. **На смерть г. Румянцевой,** Марьи Андреевны. Писана к княгине Дашковой 1787 года в Тамбове (Во 2-й строфе описывается княгинина гордость и смущение ея, в 3-й сравнивается с ...) ¹⁰. В сей оде сравнивается княгини Дашковой характер с покойною графинею Румянцевой, по случаю 1-й печали, что сын ея не по ея желанию женился не на фамильной и богатой невесте, и утешается она тем, что будучи тогда президентом Российской академии, может себя сделать бессмертною; наконец автор описывает своё терпение, что он утешался тогда ареопагом или Сенатом по делам службы в бытность его губернатором в Тамбове, изъясняя, что злоба твердости его поколебать не может и что, будучи пиитом, он не умрёт ¹¹.

30. **Любителю художеств.** Кантата сия сочинена в 1790-м году по случаю рождения графа Александра Сергеевича Строганова, бываемого генваря 3 дня, как бывшему автору приятелю, покровительствующему художествам, охотнику до них и благотворителю бедных. Он по свойству своему весьма честный человек, но по воспитанию угодливый царедворец, весьма слабый, почему впоследствии времени и сделался автору неприятелем, когда был сей генерал-прокурором и защищал права государя в Сенате против подданого графом Потоцким республиканского мнения о дворянстве, что делало между ими остуду и, наконец, совершенную неприязнь. (4-й куплет относится к Сафе и изображает лице, характер и даровании первой жены автора) ¹².

31. **Меркурию.** Написана в 1784 году по случаю пожалования автора в 1-й день Генваря президентом коммерц-коллегии без его желания. Он был уже сенатором и сверх того разбирал и решал многия третейския суды, то 2-й куплет описывает сие его сетование, а также и небольшой его дом, которой украшен был просто, между прочим, зала соломенными обоями; а в 3-м просит позволения заниматься стихотворством в праздное время, то есть как грянет гром или выстрелит пушка вечерней зари и на бирже не бывает уже никакой работы, вместо того, что другие занимаются карточней игрой в вист и бостон, бывшими тогда в великом употреблении.

На щастие ¹³. Писано в Москве в 1789 году и (в печатном издании сказано на масленице, потому что, описывая разные проказы того времени, автор хотел скрыт:

⁷ Опубликовано — «Сочинения Державина», т. 9, с. 242.

⁸ Пропуск в тексте.

⁹ Пропуск в тексте.

¹⁰ Зачеркнуто Державиным.

¹¹ Приписка на полях рукой Державина: «Кн. Павел Михайлович жен. в Киеве на Анне Алферовой, любезной девице, но бывшей гонимою ст свекрови до кончины своего супруга». Опубликовано — «Сочинения Державина», т. 9, с. 237.

¹² Приписка на полях рукою Державина: «Северин Осипович на доклад (неразборчиво) Ив. Мак. Лихованов».

¹³ Все последующие оды в рукописи не нумеруются.

прямое своё намерение, ибо он по притеснении некоторых вельмож, находясь тогда отлученным от губернаторства тамбовского, был под ответом, в московском Сенате, то в своё утешение и забаву хотел посмеяться ироническим слогом над всем тем, что делается в сем развратном и непостоянном мире)¹⁴. А для того ради для лучшего вразумления читателя и нужным почитается каждую строфу пояснить: в 1-й 2-й описание и деяния счастья, в 3-й обороты онаго, известные по истории, которыя и в настоящее время точь в точь случились. В 4-й состояние просвещения России, когда уже грубое суеверие домовых и кикиморов исчезло, а вместо того появился магнетизм, искание философского камня, неуважение любви к отечеству и игра чести, что по фавору и по случаю без разбору множество жаловано в кавалеры и бригадиры, которыя прежде из гвардии весьма выпускались редко. В 5-й и 6-й успехи российского оружия и политики во всех европейских дворах, которым императрица Екатерина II-я под видом счастья к иным была благосклонна, а к другим оказывала неуважение так, что в сем описании совершенная картина тогдашняго дипломатического состояния европейских держав. В 7-й и 8-й изображение внутреннего политического состояния России, ея нравов, правосудия, увеселений и проч., что ерихонцы или подьячие богатеют, что распестрились по смешению с иностранными нравов, носили шутовския полосатыя фраки, мартышки или мартинисты в воображении людском были в силе и разливали свет подобно фонарям. Уранги¹⁵ или крестьяне в народных школах говорили речи, наместники подобно мишурным царям царствовали по губерниям на карточных престолах, т. е. во зло употребляли власть свою. В 9, 10, 11 и 12-й описание двора или упражнение императрицы под имянем премудрости, что она подобно того времени как португальский король не месит макарон, французской Людовик XVI не слесарничает, а напротив того занимается литературой, писав иногда комедии или сказки, где Дедушка, видя какия-либо проказы вельмож, покашливает «хем, хем, хем». Сие относится на журнал, называемый «Собеседник», в котором писала императрица «Были и небылицы». В оном журнале участвовала императрица своим сочинением по поводу напечатанной в ней оды Фелицы, и те свои сочинения присылала на просмотрение в розсуждении орфографии княгине Дашковой под великим секретом, но она секрет свой не здержала, а напротив того всякому к ней приехавшему объявляла и хвалилась, а паче иностранным послам, хвастаясь высочайшей к ней доверенностью, что и было причиной упадка ея при дворе. Более же, что не могла она снести шутки императрицы, когда в учрежденном из нескольких вельмож обществе, называемом в том журнале «Палатою с чутьём», Лев Александрович Нарышкин, выступил пред оное, говорил высокопарными и пухлыми словами речь, какими княгиня говорила тогда в Российской академии. Вышед из собрания, она разругала всех, где досталось и самой императрице, что в шутках довел до ея сведения граф Иван Григорьевич Чернышов и вместе с Нарышкиным жаловались на нее государыне, отчего и затворились княгине райския двери, т. е. что императрица, отблагодаря её за труды, пожаловала к награждение 25 т. рублей и не велела к себе впускать в назначенной после обеда час, для упражнения в литературе. Сим княгиня много потеряла, ибо она вошла было через ея журнал в великую милость, когда же императрица перестала свои пьесы присылать в оный, то он упал и скоро совсем окончился¹⁶.

В 13, 14, 15 и 16-й также отношении к делам императрицы, к военным и гражданским, что без суда никого не наказывать, что весить силы чужих держав, что защищает безсильных от сильных, что поражает оружием железное царство шведов и лунное турок, а своё успокаивает, запасая дровяныя и сенныя для жителей магазинов, и согревает в морозы на публичных местах устроенными нарочно каминами. В 17-й делает обращение автора на себя, чтобы было к нему счастье благоприятно и из песчинки зделало бы его жемчужиной. В 18-й вспоминает под лицом своим пове-

¹⁴ Опубликовано — «Сочинения Державина», т. 9, с. 238.

¹⁵ Приписка на полях рукою Державина: «В калужском журнале 1804 под названием «Уrania» взято в эпиграф «витийствуют ураньи в школах» вм. «уранги». И даже на виньете на обложке изображена (весьма грубо) «Уrania».

¹⁶ Опубликовано — «Сочинения Державина», т. 9, с. 235—236. Однако Я. К. Грот относит это примечание к оде «Фелица».

дение своих собратьев, когда они служили с ним под одним начальством, бегая по паркету, поднимая нос и никого не ставя в греш. В 19 и 20-й вспоминает аллегорично молодое свое время и щасливое волокитство. В 21-й описывает перемену счастья, сказывая, что без помощи счастья или без лат стал «горе-богатырь» — название, которое императрица дала в насмешку шведскому королю, предпринимавшему завладеть нечаянно ея столицей. В 22-й призывание счастья и уверение, что оно всеильно из самого зла сотворит добро, так как гудок играет подобно скрипиче и вьется локоном хохол, т. е. Гудович невеликого смысла человек и малороссиянин, зделан фортуною генерал-губернатором. В 23-й описано взоудушному, Монгольфиером изобретенному шару упадает, куды случится. В 24 и 25-й продолжение того же призывания и обет, что впрядь автор будет жить в его угодность, так как (некоторой произшелец вельможа (Завадовский), пухлым слогом писал манифесты, выдумывал нарочно термины для обвинения невинных — «упослеживать» вместо «умедлять»). Так написан был собственно-ручно тем вельможею приговор в Сенате, которым автор приговариван был к отрешению от должности тамбовского губернатора в 1788 году. И, женись на побочной дочери сильнейшего боярина (Разумовского), причелся к нему, как автор к Горацию, в родство, и всем тем недоволен, часто в пирах восклицал: Беатус! т. е. блажен брат его, будучи поселянин или пастух)¹⁷, орущий отеческими волами землю и пасущий стада свои. В последней 26-й строфе объясняется состояние души автора, что спокойствие его не зависит от счастья и вельмож, его любимцев.

На выздоровление мецената. Писано в 1781 году в Петербурге. Под именем мецената разумеется здесь Иван Иванович Шувалов, действительный тайный советник, оберкамергер и куратор Московского университета, под главным котораго начальством автор принял первоначальное учение в Казанской гимназии, которая учреждена под ведением Московского университета, в сем городе по его проэку, то автор по выздоровлении его в сем году от жестокой болезни в изъявление своей радости написал сию оду (живучи вместе на даче на Неве князя Вяземского с Алексеем Ивановичем Васильевым)¹⁸ в то самое время когда получено (им и княжной Екатериной Сергеевной Урусовой писательницею также стихов и по родству с Михайлом Матвеевичем Херасковым, почитательницею сего вельможи)¹⁹ известие о выздоровлении онаго, живучи на даче князя Вяземского называемой Мурзинки, когда, взошед, луна багряным своим светом освещала воды, и некто ехал по ней в лодке, а потом зделался сильный ветер, то и снята здесь самая живая картина природы²⁰. Фаррос младых вельмож и мой, значит, просветитель, ибо многия вельможи как то и князь Потемкин, образовались в сем училище.

На умеренность. Писана сия ода в 1792 году в Царском Селе, когда автор находился при императрице Екатерине II статс-секретарем, а князь Платон Александрович Зубов любимцем ея. В первых двух куплетах описывает автор, подражая Горацию и обращая на себя состояние умеренного человека, и в то самое положение, в котором тогда находился. Далее в 3-м изьясняет примерами из природы падение и перемены, бываемые в Сенате. В 4-м в половине насмехается над новыми философами, которые умозрительными своими метафизическими системами мнят устроить царство, и предвидит, что Французская революция не произведёт ничего прочнаго, доказывая 5-м куплетом, что доколе в человеке волнуются страсти, то не может быть между ими ни равенства, ни волиности прямой, и что как ни мудрствуют, но природа течёт своим путём. В 6-м говорит, что всякой естественно обязан быть должности своей рабом и что он не мечтает с своей стороны ни о каких воздушных зам-

¹⁷ Опубликовано (неточно) — «Сочинения Державина», т. 6, с. 529. Там же опубликована (неточно) приписка на полях Е. Болховитинова: «Сомневаются, чтобы Анна Николаевна была дочь Кир. Григ., некоторые сказывают, что ея мать Гудовичева под хмельком сама при своей дочери говаривала, что ея батюшка князь — но бог знает, который из ея ближних». Рукою Болховитинова вписаны в державинский текст имена вельмож — «Завадовский» и «Разумовский».

¹⁸ Зачеркнуто Державиным.

¹⁹ Зачеркнуто Державиным.

²⁰ Опубликовано (неточно) — «Сочинения Державина», т. 9, с. 234—235.

ках, а кто так думает, то автор желает счастливого пути достичь до своего предмета, как детям по льду на коньках. Под аллегорией Язона разумел князя Потёмкина, начальствовавшего Крымом. Чужую деревню у Бехтеева отнял тогда А. Н. З. (Зубов)²¹, будучи обер-прокурором. Винные откупы потаенно взяли военные начальники. Царския суммы похищены в комиссариате и экстраординарные у Таврического князя. В 7-м изъясняет своё благополучное состояние, что когда императрица не призывает его по дворским интригам к себе с делами, то он пишет стихи, представляя настоящее время будущим, что ежели бы какой доброй царь велел ему писать грамотки, то бы он не вертел душой, как рулеткой, которая тогда была в моде, а докладывал бы правду о добрых людях, так и о взятошниках. В 8-м также настоящее время выдаёт будущим, что он хотя ощущает горесть от неблаговоления к себе государыни, но идёт к ней с равнодушием просить суда и милости по своей экспедиции, что почиталось прочими его товарищами вздором, ибо они докладывали по делам приятнейшим ей, политическим и прочим, и императрица, почувствовав, в 9-м, что она пред ним бывала неправа, часто у него прашивала прощения, и он, хотя тому радовался, но на желаемая ей похвалы не был скор, а писал с разсуждением, делая всегда в ласкательных своих выражениях нравоучения, что видно во всех его сочинениях. В 10-м шуткой обращается к фавориту, с ним довольно приятию связанному, которой от скуки иногда забавлялся спусканием бумажных змеев с турецкой башни, в Царском селе находящейся, проповедуя ему умеренность в гордости и чтоб не упускать случаи делать добро. В 11-м описывает его личной характер, что он честен, безкорыстен, умен, но скромнен даже до обиды, нерешим и хитр в обхождении, советуя быть твердым, когда переменится его счастье. Но сего-то при взошествии на престол Павла I-го в нем недостало.

На коварство французскаго возмущения и в честь князя Пожарскаго. Автор по природе своей и воспитанию, будучи привержен к истине, и что всякая несправедливость сильным образом, как бы какая болезнь, даже физически, его поражала, то, читая древнюю и новую историю и упражняясь сам в делах, видел, каким образом коварство сильных людей закрывает свои ухищрения и выдает самая гнусныя деяния за добродетельныя, исполнен был горячими чувствами против онаго и также против деспотизма, то долгое время собирал мысли к объяснению для сего порока. Наконец написал сию оду по отлучении его от Тамбовскаго губернаторства в Петербурге в одно и то же время с одою «На счастье» и «Изображение Фелицы», где также есть черты на неправоудие, но как нельзя было сего сделать тогда известною, дабы не подать какова подозрения правительству, что тут против него было писано, то и скрывал оную до 1790 года. А как тогда открылась Французская революция и можно было тогда против тиранов и коварства их говорить, то и зделал он её известною, с осторожностью однако той, что в 23-й строфе употребил мысли Тацита о свободе мыслить, отнеся оное к славе и милосердию предержавшей тогда власти, а притом переменя в 5-м куплете речи: вместо «любить прельстило ложну» сказал «злую славу», а место «под игом рабскую жизнь» сказал «жизнь безначальную в спокойство», приготовясь отвечать, ежели б спросили, что он разумеет под равенством свободы, то б он отнесся на наказ императрицы, данной Комиссии проэкта новаго Уложения, где сказано, что они в натуре существуют и о них иначе разуметь нельзя, как только в том, где исполняются законы, а имянно: 1-е (в правосудии всякому лицу, а 2-е) в хотении того, что закону не противно. Выдал оную в 1790 уже году, написав в поднесенной государыне книге таким образом: Ода на коварство или на ухищренныя в Европе возмущения, обращённая к славе князя Дмитра Михайловича Пожарскаго, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти. Автор не мог узнать, как удолжно приняла сие сочинение императрица, хотя Платон Александрович Зубов и сказывал, что она его хвалила. Спе ей делает великую честь и более нежели все похвалы, приписываемые ей автором²².

²¹ Зачеркнуто Державинным.

²² Опубликовано — «Сочинения Державина», т. 9, с. 240—241. Приведено неточно, иногда с искажением смысла: «Ода на коварство или на ухищренныя в Европе возмущения, обращенныя к славе кн. Пожарскаго».

На панихиду Лудовика XVI. Ода сия написана в 1793 году по случаю совершавшейся в большой католической церкви в СПбурге²³ панихиды по французском короле Лудовике XVI марта 26 дня.

Она тогда же напечатана и поднесена государыне и переведена на французской язык. Покойный Зиновьев, бывший в Гишпании посланником, находясь тогда в Петербурге, сказал, что при многих бы европейских дворах не снесли таких смелых выражений, как тут, что добродетели одной принадлежат только, а не сану и титулу почтение. Сие делает также императрице честь. Заключение, что несут на крыльях оды грома, автор предвидел, что пошлются российския войска на усмирение возмутителей. Когда бы Екатерины продлился век, то поражение молний российских орлов может бы более успеха имело и зделало бы конец революции, нежели потом экспедиция Суворова при Павле, к которой он при государыне ещё приготовлялся.

К первому соседу — потому что во второй части есть ода ко 2-му соседу. Писана в 1780 году и относится к Михайле Сергееву сыну Голикову, купцу Курскому, бывшему в том году в Санкт-Петербурге винных зборов откупщиком, который жил в соседстве с автором на Сенной, в доме князя Юсупова, и вел себя не токмо роскошно, но и развратно, делал беспрестанная пиры и подал причину к написанию сей оды. Он, быв прежде откупщиком в Сибири и оставя там жену, имел на содержании италианку. Предвещание автора збылось, что он скоро после сего сочинения впал в беду вывозом из чужих краев тайно французской водки, был судим, в котором нещастии и кончил жизнь свою. Но двоюродной его брат Иван Иванович Голиков, имевший с ним также участие в откупе и живший с ним вместе, при случае открытия статуи Петра Великого по прикосновенности по сему делу прощён, то принеся в церкви благодарность богу за сию милость, пред помянутой статуей зделал публичное обещание, что он напишет сего государя историю, а потому, брося купеческий и откупщичий промысел, упражнялся он до конца своей жизни в собиращии исторических записок сего великого монарха, которая известна Свету.

Песнь брачная чете порфиородной. Почерпнута из псалма 44-го, сочинена по случаю бракосочетания великого князя Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны, что ныне благополучно царствующия государь император и императрица. Автор, будучи при императрице Екатерине II статс-секретарем, по множеству тогда дел у него не мог заняться на сей случай сочинением особенным, но при бытности Николая Александровича Львова, нечаянно раскрыв Псалтырь, а как она раскрылась на том самом псалме, то и распустили переложить оной в стихи, что автор и зделал. Поднёс императрице, которая была сим весьма довольна, приказала оную положить на музыку для торжества придворному капельмейстеру Сартию, что он и исполнил. Пета была во время обеденного стола, равно и при брачном торжестве Константина Павловича и принцесс, которая теперь и находится при императорской капелле.

К лире. Ода сия имеет отношение к бывшему последнему любимцу императрицы, князю Платону Александровичу Зубову. Писана в 1795 году в день его именин, по случаю тому, что как поднесены были автором все его сочинени в том году императрице, в которых находились похвалы прочим вельможам и его брату Валериану Александровичу, то и нельзя было ему не зделать сей чести. В ней изображаются личные его свойства, что любил музыку, был некорыстолюбив, чувствителен, нежен и, упражняясь в литературе, слыл в семье своей философом, а под именем Аристана тоже розумелось, что Платон. Императрица, так сказать, его воспитывала и внушала ему свои правила и охоту к славе, советуя переводить Плутархову историю о славных мужах, которую он под ея надзиранием перевел²⁴.

К красоте. Ода сия писана в 1794 году и напечатана под заглавием: «Храбрости и красоте». Относится к Валериану Александровичу Зубову по случаю возвращения его из Польши, потерявшего на сражении ногу.

Вельможа. Ода сия писана на благородство или на дворянство в 1773 году при горе Читалагае в бытность там автора во время Пугачевского возмущения и напечатана

²³ В рукописи — «в большой католической Петровской церкви», но слово «Петровская» зачеркнуто Е. Болховитиновым. На полях его рукою приписано: «тогда Езуитской, ибо Петровская лутеранская».

²⁴ Правлено рукой Державина.

в 1777 году в особой книжке под названием «Од читалагайских». Но как те оды из прежних сочинений автора писаны весьма нечистым и неясным слогом, то из них сия и переделана в 1794 году в другом вкусе с прибавлением многих новых мыслей, а от того и получила несравненно более той пространства и картин, похожих с подлинниками, которых, обращаясь с вельможами, автор приметил. Нет нужды наименовать их, ибо они по образу жизни своей и поведению всякому жившему тогда в Петербурге известны. Похвала же в 23 и 24 и в последующем 25 куплетах относится графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому, которой из уединенной своей жизни вызван был при старости своей на новой подвиг во время военного действия в Польше и подобно румяной вечерней заре возвеселил сердце императрицы победами. Хотя сия ода не была автором к нему отослана, но как-то к нему дошла, и он, хотя не в ясных терминах, за нее благодарил автора за хорошее к нему расположение письмом своим в том же году. Между прочим граф Александр Николаевич Самойлов, будучи генерал-прокурором, по внушению некоторых недоброжелателей авторских, принял было нащёт свой 5-й и 6-й куплеты, а 10-й, 11-й, 12, 13, 14, 15, 16, 17 нащёт дяди своего и хотел взойти с жалобой к императрице, но ему благоразумнейшие его приятели растолковали, что он проиграет, ибо того не может брать на свой щёт, что вообще относится на роскошных вельмож. Он отменил свое намерение и остался с автором хорошим приятелем.

50 и 51. **Монумент Петра Великаго.** Песнь сия и последующая за ней «Петру Великому» сочинены в 1776 году в бытность автора гвардии офицером по просьбе генерал-майора Степана Васильевича Перфильева и князя Александра Ивановича Мещерскаго для пения в масонских ложах, из коих 2-я, как они сказывали, была часто воспевается, ибо автор никогда сам в ложах не бывал, хотя сильно желали они сделать его франк-масоном, но он от них всегда отделялся.

К Н. А. Л. Сия ода писана Николаю Александровичу Львову в бытность автора при дворе статс-секретарем в 1793 году, когда Львов жил у себя в Новоторжской деревне и упражнялся в сельских занятиях. В 9-м куплете личное изображение г-на Львова жены, а в 12-м первой жены авторской, которая любила жить в городе и занималась постройкой и украшением своего дома, известного на Фонтанке, которой, похож на небольшой храмик, и украшала внутренность его шерстяными и соломенными обоями, из коих некоторые, как приятельнице ее, готовила г-жа Львова в деревне.

Водопад. Писан в С. Петербурге в 1791 году по случаю кончины князь Григорья Александровича Потемкина, приключившейся того году октября 5-го дня. Сие есть точное изображение Кончезерскаго водопада в Олонецкой губернии, лежащаго неподалеку от Петровскаго железноплавильнаго завода, с котораго по ветру иногда действие машин бывает слышно при всем сильном водном стремлении. Автор, будучи Олонецким губернатором, в 1785 году осматривал его и, затвердя в своём уме сие чудное явление природы, воспользовался им при случае описания кончины сильнаго человека. Под волком, ланью и конём разумел он три свойства людей, а имянно: злых, кротких и надменных. Под стариком, сидящим в пустыне на углу дерева, фельд-маршала графа Петра Александровича Румянцова-Задунайскаго, жившаго тогда в неуважении от двора в своей деревне. Под луной укрощённую им Оттоманскую Порту, во сне его он изображал его деянии и даровании вождя, вокруг коего Перун молчит и зрит на его мановение. Огнедышущия ограды или каре, им против турков вымышленныя, вслед идут за его перстом. Войска или полки вдруг, как из туманов в море холмы, являются на повеленном им месте или на рандеву, в назначенной им час, каковым верным расположением наипаче славен был сей полководец, также ночными экспедициями, что по следам росистой травы враги поздно уже могли узнать следы его движения, что он их наблюдал, подобно ястребу, что в шатре своем, как волхв, невидимо по чертежам делал свои планы и представлял врагам там силы, где их не было, и там внезапно ударял, где его не ожидали; что усмирил гордость орлиную или прусаков пред Янтарным или Ботническим заливом и при городе Кольберге, а лунную Оттоманскую Порту у Евксинскаго понта или на Черном море; Колхиду златорунную или Тавриду и белаго царя урон пред границей вечерняго рая отмстил сторицею, т. е. Петра Великаго на Пруте в Молдавии несчастное приключе-

ние; в ризах чёрных жена с орлом на шлеме подразумевается Россия, принесши ему весть о смерти товарища его фельдмаршала князя Потемкина, которого свойства, личное изображение и характер описываются в 40-м куплете, а в 41 и 42-м его смерть, случившаяся в степи, на открытом воздухе, в дороге от Ясс, где он покрыт был плащом и положены были на глаза его по русскому обыкновению две денежки. Ему должно приписать в честь, что он был сильной наперсник Екатерины, любил стихотворство, предводительствовал войсками, хотя к тому едва ли имел способность. Замысловатой и решительной имел ум, а для того и никто прежде взвесить так, как он, силы России и духа Екатерины не смел. Он уничтожил Крымския Орды и своёвольную Сечу запорожцев, населил полуденныя степи городами и на Черном море завел флот и потрясал оным Константинополь, как средину земли; предпринимал трудныя или, так сказать, самыя невозможныя подвиги при Очакове средь жестокой зимы, а при Измаиле с насравненно меньшими силами, нежели был гарнизон, что по взятии оных крепостей самыя храбрейшыя солдаты дивились, как это могло случиться. Он не следовал обыкновенным тактическим правилам, прокладывая следы к своей славе своим чудным гением. В самых его военных действиях любил роскошь и забавы, которыя вслед за ним шли с его славою. Едва только автор в подражание Пиндара зделал ему похвалу в описании великолепнаго его праздника, бывшаго в его доме, что ныне Таврический дворец, то постигла его смерть, и торжественныя хоры превратились в стенания; что войска, предводительствуемые им, плакали, и громы оружия онемели, лавровой венок из бриллиантов, данный ему от Екатерины, увял, булава гетманская упала, меч вполножны несовершенным миром едва войти мог. Императрица потерю его сильно была огорчена, несколько раз неутешно рыдала, а на нее смотря и все были печальны; что мир заключен, так сказать, в сетовании, вопли дружбы и родства были неумолчны. Ахейския музы, т. е. Пресвященный Евгений (Булгарин²⁵) на греческом языке сочинил ему надгробие, а Марон, то есть г-н Петров, переводивший Virgiliya, по нем, яко меценате своём, написал плач; что, ездивши князь на великолепном фаэтоне и на прекрасных соловых конях с великолепным поездом всадников, возвращаясь с похорон принца Виртенбергскаго, задумавшись, нечаянно вместо своего фаэтона или колесницы, сел на одр погребальной, на котором было везено тело принца. Он был сим так встревожен, что хотя будто шутя, но однако предвещала себе смерть. В 59-м куплете описаны его подвиги и возмездие за оныя, в 61-м — сказано, что в Измаиле было 40 т. гарнизону, которыя все вокруг гроба Вейсмана, в оном погребеннаго, положены почти на голову (Суворовым)²⁶. В 65-м изображен плач его любезных, в 67-м сравнен он с Альцибиадом по своим славным замыслам и роскошной жизни. Под Фирсом или Фирсисом разумеются те после его начальники, которыя также хотели быть, подобно ему, в правлении войск и губерний полуденных, славными²⁷. В 69-м — увещание под именем водопадов властителям мира, любящим славу, чтобы они достигали до оной единственно справедливостию и доставлением свету благоденствия. В 70 и 71-м — желание, чтоб слава его была всегда светлою и не помрачалась памятью в поздних веках какими-либо новыми войнами, возникшими от его побед. В 72-м обращает автор аллегорически под именем реки Суны напоминание свое императрице, чтоб она тихим течением или правлением мирным и без завоеваний своими собственными народами была подобна божеству.

Прогулка в Царском Селе. Сии стихи писаны в 1799 году мая дня²⁸ по случаю прогулки автора с первою его женою под именем Пленеры. Тут верно снято изображение природы весенняго времени в Царском Селе бывающей, которой приятность увеличивается зрением памятников, там сооруженных Екатериной II-й в честь побед героев русских. И как тогда г-н Карамзин начал выдавать журнал своего путешествия, то в ободрение оказавшегося в литературе его таланта автор назвал его прозаическим соловьём.

На рождение ея высочества великой княжны Ольги Павловны. Писано в Царском Селе по случаю того рожденья 1792 года июля 11-го дня. В 1-м куплете изображено

²⁵ Дописано рукой Е. Болховитинова.

²⁶ Зачеркнуто.

²⁷ Приписка рукой Е. Болховитинова на полях — «Каховский и Волконский».

²⁸ Пропуск в тексте.

утреннее время, когда разрешилась великая княгиня от бремени. Во 2-м, что как во всю ночь страдала она муками, то весь двор был в унылой тишине. В 4-м, что в то время два только были великия князя Александр и Константин Павловичи и несколько великих княжен до сей новорожденной. В 6-м, что прежняя Ольга просвещение получила с Юга на Север, а сия Ольга — понесет его с Севера на Юг. Но сего неугодно было небесам совершить. В 1-м что в то время Французская революция монаршую власть опровергала, а в Швеции король угнетал Свободу, или вельможное правление.

Кантата писана по просьбе Анны Степановны Протасовой на случай ожидаемого ею посещения императрицы в ее комнаты во дворце в осьмидесятых годах.

Провидение. Писана сия ода 1794 года марта 31 дня в Петербурге по случаю анекдота: императрица, занимаясь в кабинете своим делами, вышла в необыкновенное время в Эрмитаж и, глядя на Неву, готовящуюся открыться, увидела утопающего человека, послала спасти его. Вытащили на берег и положили пред ней безгласной и почти мертвой труп девицы. Врачи подали ей помощь и возвратили жизнь. Государыня, стоя на балконе, спросила — кто она такова и зачем по худой реке ходит; она ответствовала, что мещанская дочь, сирота, не имеющая ни отца ни матери, что на погребение последней заложила она образ, которым покойная благословила её при смерти, то, выработав великим постом деньги, хотела ими долг заплатить и выкупить оной к наступающему светлому воскресенью, по которой необходимости ходила она на Васильевский остров. Императрица была сим тронута, тотчас приказала ей принести белье и платье приличное ее состоянию, дала приданое, и, сыскав тогда же жениха, сделала зговор, а потому автор и приписал сей случай провидению, что она из самой бездны смерти воскрешает и движет сердца царей; а как в тож время 1-я жена под именем Пленеры стала было от тяжелой болезни выздоравливать, то и приписал сию милость его могуществу, уповав, что когда пути его невинны и сердцем он чист, сохраняя обет свой богу и верность монарху, ничего не ужасаясь, смело идет против стремления бурного тогдашних его неприятелей, на него возставших по делам коммерц-коллегии в бытность его в оной президентом, и что будет Екатерина его щит.

Мой истукан. Сия ода писана в 1794 году по случаю сделанного скульптором фарфоровой фабрики г-м Рашетом авторова бюста и жены его по желанию сродников и матери последней, для чего он в последнем куплете и говорит, чтоб жена его для них спрятала его в спальне своей в серпяной диван, которой действительно в оной и теперь находится, и поставила бы там их пред зеркалом в знак чистосердечия их к родственникам. Впрочем изъясняется, что он не стоит такой чести, чтоб публично известна была его статуя, показывая однако в 14 куплете предположительно скрытым смыслом свои деяния, что он освободил от киргисцов пленных колонистов, что сохранял будучи губернатором и сенатором закон и правду, отирал слезы сирот и вдов, которых бы здесь множество было описывать; что невинных, в том числе Якобия, был оправдателем, что был органом щедрот и мира императрицы, читая оныя пред императрицею на троне во время мирнаго торжества с Оттоманской Портой. Приписывая в 16 куплете достоинство себе, что имел способность изобразить монархиню и петь ей похвалы, а в 17-м изъяслять желанье, дабы заслужить честь помещену быть в ее колоннаде с бюстами прочих мужей, там стоящих, но в 19-м опорачивает тот свой замысел, говоря, что и Омкры в пыли валялись и что потомство строго разсматривает авторов и тех, кому они воспевали свои песни, то могут его почесть льстецом. В 20-м предвещает, что все статуи, поставленные в колоннаде Царскосельской, будут заброшены, то и не хочет такого иметь позора, каковое пророчество во владение Павла к нещастию сбылось. В 22-м аллегорически говорит о высказанном некогда ему намерении императрицы, что она выгонит с среды мира или из Константинополя турок, соберет с Гангеса золото или учредит индейскую торговлю, усмирит китайцев и что она прежде того не умрет, каковой план и начал было исполняться посылкою графа Зубова в Персию с войсками, которой в то время, как граф Суворов, перейти долженствовал за Дунай, а она сама своею особою на флоте наступит чрез Анатолию на Константинополь, а до того времени он же Зубов чрез Персию учредит с защитой войск до Индии торговья караван-сарай или гостиницы. Потом же уже и Китай не остался бы без почувство-

вания ея сил. Но богу неугодно было свершить сей план и при самом первом начинании он исчез. Под образом Марафона от Марафонской битвы разумеется здесь Мильтиад, а под образом Армана Ришелье, из коих на 1-й Фемистокл смотря, залился слезами, желая подобной славы, а 2-й Петр Великий, будучи в Париже, обняв сказал, что желал бы он ему отдать полцарства, дабы научил управлять другою.

На взятие Варшавы. Писано в 1794 году по получении известия о взятии Варшавы. Первые четыре строки в ту самую минуту и отправлены при письме к фельд-маршалу с едущими тогда от Зубова курьером, которое находится в 6-м томе меж прозаических сочинений, равно и ответ сего героя, частью также стихами писанной. Продолжение сей пиесы автор после в один присед сделал без всякаго рачения, как только дух его ему внушал, и потому сия ода может быть есть лучшее изображение его таланта или гения. Прежде нежели отдал её напечатать, показал князю Зубову, которой был ею доволен и потому напечатано 1200 экземпляров, которые назначены были автором в пользу двух благородных бедных вдов. Но когда принесены оне князю из типографии и прочтены Поповым Васильем Степановичем или графом Пушкиным, под ведомством котораго в Сенатской типографии оне напечатаны, то при первом прочтении императрицею из них неизвестно кем худо растолкованы императрице: потому ли, что Суворов чрезвычайно превознесен похвалами больше князя Потёмкина и всех других ея полководцев, или потому не понравилось ей, что трон и король Польский лежат у ног победителя, как в том первом издании было сказано, то и не заслужило благоволения сие сочинение императрицы, а потому и остались все экземпляры в кабинете Зубовом, так что автор никакими просьбами не мог даже отзыву никакого от него дожидаться и публике досталось самое малое число из тех экземпляров через одну из тех вдов, которыя автор, у себя удержав, ей отдал. И как она получила за них знатную сумму, ибо инья охотники платили ей по 25 руб. за один экземпляр, то при вступлении на престол императора Павла и вышла из сего смешная история: одна из тех вдов подала императору Павлу письмо, в котором она говорила, что из напечатанных экземпляров отдано ей половина, доказывая то объявлением, при газетах напечатанным, но Зубов, будучи фаворитом, по силе своей удержал их у себя в кабинете, а через то, считая по 25 р. экземпляр, лишилась она знатной суммы, на которую только и надежда ей была иметь содержание по бедности своей с детьми ея. Поелику ж в тогдашнее безвременье князю все к нему чрезвычайно льнуло, то император, призвав его к себе, спрашивал. Сей сослался на автора, а он должен был писать в защиту его письмо и, призвав вдову к себе, сделал ей окрик и взял её отречение от той претензии, которое и послал с тем письмом вместе к князю. А сам он, оправдавшись, отделался от платежа нарочитой знатной суммы, а когда бы не то, то и другой вдове обязан бы был он сделать удовлетворение. Вот как временем умеет пользоваться корыстолюбие! И автор уже с тех пор весьма редко отдавал свои сочинения в пользу бедных, что он прежде того всегда делал. Словом, все на особых листках напечатанныя, отдаваны были от него прежде таковым.

На кончину великой княжны Ольги Павловны. Сочинена 1795 года генваря 15 дня по случаю тогда кончины принцессы, в 7-м часов по полудни случившуюся. Некоторые недоброжелатели автора хотели или внушали уже императрице, что седьмая степень мрачного трона значило седьмой десяток ея лет, а потому и спрашивали автора, что бы это значило? Он им сказал, что лишь седьмой час прошел ночи, то скончалась княжна, а потому пиитически так написано время²⁹. В 5-й строфе описаны похороны, на которых присутствовала сама государыня, будучи бледна и с небранными седыми волосами. В последнем куплете обращается автор на Пленуру, т. е. свою первую жену, недавно пред тем скончавшуюся, и просит, чтоб гений России и та младая царевна призрела ее среди эфирной тьмо-звёздной дебри.

Ласточка. Писана в 1793 году. Под ласточкой разумел автор бессмертную душу, основываясь на сведениях прежних прежнее натуралистов, что будто сия птица в зимнее время умирает, а по возвращении весны получает паки жизнь. По кончине 1-й своей жены автор, соображаясь с её домовитостью и прочими талантами, обратил

²⁹ Приписка рукой Е. Болховитинова: «А выше отмечено «по полудни».

сне сочинение в память ея, подписав под ея бюстом: увижусь ли я с тобой, Пленира?

Флот. Писана сия ода в 1795 году по случаю отправления эскадры июня 2 дня для крейсирования между Англией и Францией к провожанию нейтральных держав купеческих судов.

Приглашение к обеду. Ода сия писана 1795 года в мае месяце по случаю званных на обед автором первых вельмож, в том числе как своих благотворителей Ивана Ивановича Шувалова, князя Александра Андреевича Безбородки и князя Платона Александровича Зубова с братьями. В 1-м куплете сказано: младая хозяйка готова руку протянуть, т. е. 2-я его жена, которая еще в первой раз принимала гостей³⁰. Во 2-м описано простое убранство дома, в 3-м что тот не приглашен в сию беседу, кто делал ему вред, а имянно граф П. В. З.³¹, которой зато и сердился. В последнем куплете мысли, что ежели кто не срядится к нему откушать и предпочтет сахарныя яства царей, относится к тому, что князь Платон Александрович прислал извиниться, что он, будучи удержан императрицею, обедать не будет.

Соловей. Ода сия писана в 1795 году в мае месяце. Автор, желая сколь можно изобразить соловья, сего славнаго певца природы имел в своем кабинете. Сколь можно, хотел он изобразить натуру, но коль невозможно совершенно ея подражание! Впрочем мысль его была дать урок себе и прочим лирикам, как писать оды, сказав, чтобы оне были отважны, быстры, плавны и кратки, как дивное пение соловья.

Павлин. Сия ода писана в том же 1795 году. Автор хотел ею изобразить безумную гордость царедворцев.

Богиня здравия. Перевод с немецкаго древняго греческаго автора, неизвестно какаго.

На кончину г. Орлова — писано при получении известия о смерти графа Федора Григорьевича Орлова в 1796 году вдруг без приготовления, в бытность у автора в гостях г-на Дмитриева.

На крещение великаго князя Николая Павловича, отправленное в Царском селе 1796 года июля дня³². Музыка на песнь сию г-на Сартия играна во время обеденнаго стола во время торжества сего в присутствии императрицы с препровождением арфы г-м Кордоном, славным того времени арфистом.

Горелки. Так называется простонародная игра, в которую часто игравали в Царском Селе придворныя в присутствии императрицы. В 1793 году июля 15 числа автор докладывав после обеда по делам ви, отправив повеленныя указы ея величества, вышел вслед ея в сад прогуляться, что она всякий день с 7-го часу после полудни делала. И нашед ее под тению дров на канаве сидящую не весьма в веселом духе; придворная свита хотела её утешить и завела сию игру, к чему убедили и автора. Он побежал вслед за великим князем Александром Павловичем, и как стремление его было сильно, то на покатоу травистом берегу, споткнувшись, упал так жестоко, что вывихнул левую руку. Бледность покрыла лице его и он не мог встать, то великия князя Александр и Константин Павловичи, будучи подвигнуты человеколюбием, его подняли и отвели сами в его комнаты. На память сего случая писана сия ода, после которой для автора много значил, потому что он, пользуя руку, не мог выезжать ко двору шесть недель, которым временем неприятели его воспользовались, зделали разныя против него несправедливыя внушения, и он потерял чрез то благоволение императрицы, которое было день от дня сильным образом возрастать стало, вследствие чего сентября 8 числа при бракосочетании великаго князя Александра Павловича удален от двора и зделан сенатором.

На рождение царицы Гремиславы. Писано ко Льву Александровичу Нарышкину 1796 года апреля 21 дня, то есть в день рождения императрицы Екатерины. Гремиславой она тут названа потому, что имя Фелицы другия стихотворцы везде уже обратили в Екатерину, а автор в прежних своих сочинениях назвал ее так единственно для того, чтобы удобнее было писать свободно и шутивно, ибо при настоя-

³⁰ Приписка на полях рукой Е. Болховитинова: «Дарья Алексеевна».

³¹ Петр Васильевич Завадовский.

³² Пропуск в тексте.

щем имени императрицы шутить ему казалось непристойно. И так когда в сей оде веселой хотел также шутить, то и вымыслил он новое имя царице Гремиславы и начал оную известным ей правилом, которое она часто говаривала: «Живи и жить давай другим», прибавя к тому своё правило — чтоб жить, но только не на шет друтова. Во 2-м куплете обратился к Нарышкину, которому он отнёс сию оду, изобразив в ней весь его шуточный характер, обычай и хлебосоольство, которое всем известно, что он любил качели, ходил по толкучему рынку, звал всякаго к себе обедать, жил весело, приятно и был доброй человек. Все у него посещающия императрицу европейския и азиатския цари и султаны угощаемы бывали, для коих по их вкусу и кушанья приготавлиемы были, то есть салму или татарскую похлебку для татар, соузы для французов и немцов. И как в праздник святой недели сего года императрица была что-то невесела, не приезжала к качелям, то в 16-м куплете и советует автор позвать её к себе, так как прежде он зывал, что он исполнил, и императрица того лета у него не один раз угощаема была. В последнем куплете уподобляется императрица розе потому, что поляки по взятии Варшавы выбили в честь ее медаль, на которой изображен был с одной стороны ее портрет, а с другой роза с надписью: благоухает и страшит, то есть колет оружием и щастливит благодеяниями. Сие есть искусство царствовать.

Храповицкому Александру Васильевичу, статс-секретарю императрицы. Писано в 1793 году по случаю присланных от него к автору стихов, в которых он советовал ему не заниматься порученными ему делами Якобия и Логинова, известным всем по их важности, а чтобы он писал лучше стихи Фелице. Сие видно было зделано г-м Храповицким по внушению самой императрицы, ибо, хотя она и поручила автору те дела, но не весьма желала их окончить. В 1-м куплете именует автор Храповицкаго товарищем и вновь соседом, потому что они прежде вместе служили в Экспедиции о государственных доходах советниками, а будучи статс-секретарями имели в соседстве свои комнаты. Во 2-м и 3-м автор с ним не соглашается, говоря, что ежели ему поручена должность от императрицы, то обязан оную исполнить, и что не будет он шутить за подарки, обвиняя между праваго, а оправдая виноватаго, и что сам он после за правду его похвалит, которая более делает чести царям, нежели стихотворство.

Памятник. Писан в 1796 году и в первом издании напечатан «К музе», так как у Горация известная ода³³, которой она есть верное подражание и можно бы называть переводом, ежели б автор на место римских не поместил российских стран и народов и не ввёл своих обстоятельств, вместо Горациевых, как то: что первой он в забавном слогe воспел Фелицу, в простоте сердечной бога и в шутках говорил царям правду; а в последнем куплете дал всем почувствовать своё неуважение, котория его не любят. Назвал же он сию оду «Памятником» потому, что книга его может быть потомству памятником дел, обычаев и нравов его времени, и что все его сочинении ничто, как картина века Екатерины.

---

³³ Приписка на латинском языке рукою Е. Болховитинова.